

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Е. И. Маштакова

СЕФАРЕТНАМЕ КАК ЖАНРОВАЯ ФОРМА ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

Турецкая художественная проза нового времени уходит своими корнями в средневековые сочинения — письменные и устные, в том числе и те, которые полностью не могут быть отнесены к жанрам художественным по своему прямому назначению. Тем не менее последние невозможно изъять из памятников словесного творчества: в них тоже вырабатывался опыт художественного отображения действительности, накапливались элементы будущей прозы нового типа.

В этом плане следует обратить внимание на сефаретнаме (посольские книги)¹, получившие широкое распространение в своеобразной общественно-исторической обстановке Турции XVIII в.

Глубокий кризис, охвативший едва ли не все институты Османской империи, вызвал в передовых кругах общества сознание необходимости перемен; все более утверждалась мысль о пользе приобщения к европейскому опыту.

В XVIII в. предпринимались попытки осуществить преобразования прежде всего в военной области. Реформаторские тенденции проявили себя и в сфере культуры (организация турецкого книгопечатания, выпуск литературы для первых военных учебных заведений европейского типа и усиление переводческой деятельности, вообще рост турецко-европейских культурных связей и др.).

Вполне закономерно, что сефаретнаме получили большое

¹ Описание их см. в фундаментальном труде: F. R. Un a t, *Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Tamamlayıcı yayımlıyan Prof. Dr. Bekir Sıtkı Baykal, Ankara, 1968.* Здесь названы 44 сефаретнаме: 2 из них относятся к XVII в., 34 — к XVIII в., 8 — к XIX в. Из общего числа только 11 сочинений касаются стран Азии и Африки (в XVIII в. — 8 и в XIX в. — 3). Небольшие отрывки включены в книгу Ф. Р. Унта и ряд других исследований. В оригинале опубликованы полные тексты далеко не всех сефаретнаме.

развитие именно в XVIII в.—переходном периоде в истории турецкой литературы. Появление этой формы в системе жанров того времени — факт знаменательный. Новые идеи и понятия, расширение сферы изображения в литературе вызвали обогащение уже сложившихся жанров и появление новых; происходило также совмещение функций жанров.

Сефаретнаме явились в известной мере новой жанровой формой, в которой соединяются качества деловой прозы и публицистики, мемуаров и дневников путешествий; им присуща та или иная мера беллетристичности. Определяющую роль в характере сочетания этих сторон играет авторская позиция. Посольская книга могла быть докладом должностного лица, отвечающего на заранее заданные вопросы. Но автор мог оказаться инициативным рассказчиком, воодушевленным идеей принести пользу соотечественникам сведениями об опыте других народов, причем за этим иногда ощущается критическая оценка турецкой действительности, обостряемая сопоставлением ее с европейской, а порой — неодобрительное отношение к некоторым явлениям зарубежной жизни.

Характер сефаретнаме отражается в его содержании и стиле. В официальном отчете посла преобладали особенности деловой прозы с присущим ей этикетом. Но посольские книги писались и «частным образом», для чтения; они часто адресовались образованным кругам общества, а не только тому, кого называл в тексте автор (например, султану)².

Своеобразна структура сефаретнаме. Османские посольства почти до конца XVIII в. направлялись за рубеж с кратковременными визитами и оказывались там гостями государства. Поэтому большое место в сочинениях занимает рассказ о поездке к месту назначения и обратной дороге домой. Обстоятельно говорится о средствах передвижения, пути следования, местах отдыха и ночевки и т. п. За этим чувствуется традиция «книг путешествий» и прежде всего самой известной из них — «Сейахатнаме» Эвлии Челеби (1611—1682)³.

² Сходные явления характерны и для Руси XV в., где некоторые посольские книги, иначе, статейные списки (подлинные или вымышленные) имели то же назначение. «Деловые документы все чаще составляются в расчете на их прочтение многими читателями», — пишет акад. Д. С. Лихачев (Развитие русской литературы X—XV веков, Л., 1973, стр. 163).

³ Этот десятитомный труд, рассказывающий о посещении Вены в 1665 г. турецким посольством, считается некоторыми учеными (И. Ю. Крачковским — Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 644; Ф. Р. Унатом — *Osmanlı sefirleri...*, стр. 47—48) первым турецким сефаретнаме, с чем можно согласиться лишь условно. В свою очередь, О. Ш. Гёкйай все сефаретнаме причисляет к «книгам путешествий» [О. Ş. G ö k y a y, Orhan Şaik. *Türkçede gezi kitapları*.— «Türk Dili», Aylık dil ve edebiyat dergisi. Gezi özel sayısı, с. XXVII, № 258, Ankara, 1973, стр. 457, 460 и др. (далее — Гёкйай)].

Возможно, древний опыт движения по караванным тропам напоминает о себе традицией измерения больших отрезков пути днями, а малых — часами (независимо от способа передвижения: верхом или в конной упряжке, на морских или речных судах); изредка определяют расстояние по-европейски — в милях⁴. Наряду с этим употребляются и другие меры длины, например водопад протяженностью 150 шагов, акведук высотой 150 локтей и т. д.⁵.

Тенденция к документальности обнаруживается в сефаретнаме постоянно, начиная с датирования записей, отражающего реальную временную последовательность событий. Столь же обязательно в каждом отчете посла зафиксированы имена лиц, которым вручались подарки (с обозначением количества и качества последних), приводится также подробная опись полученных ответных даров. Здесь должно быть все указано точно: речь идет о подотчетных материальных ценностях государственного масштаба. Но эти описания, как и многие другие, видимо, представляли собой интересное чтение для средневекового читателя.

Специфика сефаретнаме сказывается в большом внимании, уделяемом «протокольным» вопросам. Здесь выработались свои правила. Тщательно фиксируются все нюансы соблюдения придворного этикета в отношении турецкого посла, указываются чины и звания присутствовавших на приемах и многое другое. Так, рассказывается, например, о церемонии вручения султанской грамоты и подарков Ахмедом Ресми прусскому королю Фридриху II⁶, о приеме польским королем турецкого посла Мехмед-аги⁷ или русской императрицей Елизаветой — Шехди Османа⁸, о прощальной аудиенции Мехмеда Челеби у короля Франции Людовика XV и у регента⁹ и др. В записях о соблюдении церемониала требовалось не опускать подробности. Например, порядок следования торжественного

⁴ [Yirmi Sekiz Mehmed Çelebi], Kitabhane-i Abu-z-Ziya. Paris sefaretnamesi. Sultan Ahmed Sanî tarafından 1132 senesinde Fransa kiralı On beşinci Luyî nezdine sefaretle gönderilen rical-i Bab-i Aliyeden Yirmi Sekiz Mehmed efendinin takriridir, Konstantiniye, 1306 (1888/1889, араб. шр.), стр. 10, 11 и др. (далее — Мехмед Челеби).

⁵ Там же, стр. 91, 101, 102 и др.

⁶ [Ахмед Ресми], Записка турецкого посланника Сами эль-хадж Ахмед-эфендия о посольстве в Пруссию в 1763-4 году, — «Москвитянин», Учено-литературный журнал, издаваемый М. Погодиным, М., 1855, т. V, № 17 и 18, кн. 1 и 2, стр. 117—118 (далее — Ахмед Ресми).

⁷ [Sekowski], Collectanea z Dziejopisow tureckich Rzeczy do historyi polskiej służących z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag przez J. J. S. Sekowskiego, Warszawa, 1825, t. I, стр. 215—218.

⁸ Şehdi Osman sefaretnamesi, — «Tarih vesikalari», 1941—1942, с. 1, № 1—5, Istanbul, стр. 240, 303—304 (далее — Шехди Осман).

⁹ Мехмед Челеби, стр. 115—117.

выезда посла, карет с его свитой и официальными сопровождающими, всадников почетного эскорта и пр., будучи обозначен однажды, затем неоднократно повторяется без изменений. Так писал Эвлия Челеби о въезде посла Османской империи в Вену и его отбытии оттуда¹⁰, и столетие спустя таким же образом построил свой рассказ турецкий посол в Мадриде Мюверрих Васыф¹¹. Повторы как бы придавали больший вес знакам внимания, которыми пользовалось турецкое посольство; по словам авторов сефаретнаме, оно всегда имело особые привилегии перед другими странами. Вообще постоянно чувствуется стремление усилить все, что может послужить возвеличению турецкого государственного престижа и личного, посольского тоже. Тонкий дипломат Мехмед Челеби с этой целью прибегает к чужим словам: французский придворный сообщает, что в знак особого расположения представителю Османской империи назначили больший, чем обычно, эскорт и предоставили для торжественного выезда собственный королевский экипаж и т. д.¹². Для этого же используется традиционный прием авторского самовосхваления: придворный уверяет, что никакой иной посол не смог бы исполнить свою миссию лучше, чем Мехмед Челеби¹³.

«Престижным» целям служил и прием гиперболизации. Так, почти всегда преувеличивался (в основе реальный) интерес к появлению — будь то в Париже, Берлине, Петербурге или любом другом европейском городе — турецкого посольства. Все авторы пишут, что десятки тысяч людей устремлялись ему навстречу. «В городе не осталось ни одного человека», — читаем у Мехмеда Челеби. Для большей убедительности он использовал характерное сравнение: «Когда празднуют свадьбу, и то не увидишь такой толпы»¹⁴. В подобных случаях предпочиталась не точность, а впечатляющее описание. Для этого могли использовать «символические» цифры, всегда большие и не обозначающие подлинного количества. В подобном соединении качества деловой прозы с эмоциональным выражением личных впечатлений и состоит своеобразие некоторых сефаретнаме.

Служебная функция сефаретнаме часто смыкается с познавательной. Нередко на этой основе автор стремился создать занимательное чтение. Обязательные отчеты об осмотре

¹⁰ V. M. Kocatürk, Türk nesri antolojisi. Başlangıçtan bugüne kadar Türk edebiyatını nesir alanından yazılmış, en güzel eserleri, Ankara, 1963, стр. 38—42.

¹¹ Там же, стр. 42.

¹² Там же, стр. 52, 56 и др.

¹³ Там же, стр. 22—23.

¹⁴ Там же, стр. 43, 50.

военных учебных заведений, домов инвалидов, крепостей и гаваней соседствуют с описанием дворцов и парков, увеселений (балов, маскарадов, театральных представлений) и пр. В соотношении «заданного» и «вольного» последнему придавалось тем большее значение, чем ближе были сефаретнаме к «неофициальной» прозе.

Представляя читателю главным образом западный мир с его непривычными нравами и бытом, с его достижениями в науке, культуре и искусстве, авторы ориентировались прежде всего на потребности турецкого общества. «Учительная» функция посольских книг выступает ярче у авторов, придерживавшихся некоторых идей рационалистического толка и видевших пути к «исправлению» общества в просвещении людей (в первую очередь правящей верхушки). Например, турецкие послы, посетившие Францию (1720 г.) и Пруссию (1763—1764 гг.), подробно рассказали о гидротехнических сооружениях для подъема воды в системе декоративных водных устройств и для орошения¹⁵, о сооружении каналов между реками и водоемами и созданных таким путем судоходных системах¹⁶. Сефаретнаме содержат также полезные сведения о производстве зеркал¹⁷, оружия¹⁸, о некоторых формах европейской торговли¹⁹ и пр. Из сочинения Мехмеда Челеби, проявлявшего живой интерес к науке и культуре, турки могли узнать об обсерватории с новейшим оборудованием, об аптеке с приданным ей ботаническим садом, о музее анатомии и многом другом, выходящем за пределы обычного содержания посольской книги. Забурлированный отклик на события турецкой жизни чувствуется в рассказе Шехди Османа о посещении им в 1758 г. государственной типографии в Петербурге²⁰. Из расспросов посла об организации печатного дела и его рентабельности, о возможности обеспечить людей работой и др. становятся понятны трудности, с которыми тогда сталкивалось книгопечатание в самой Турции.

Некоторые авторы сумели в увлекательной форме сообщить множество разнообразных сведений, так что подобные

¹⁵ Там же, стр. 101—106.

¹⁶ Там же, стр. 26—31; Ахмед Ресми, стр. 8—9.

¹⁷ Мехмед Челеби, стр. 111—112.

¹⁸ [Дервиш Мехмед-эфенди], Посольство Дервиш-Мухаммеда-эфендия в Россию в 1168 г. эгиры (т. е. 1755 после Р. Х.). Взято из Оттоманских летописей Васыф эфендия, т. I, с. 61. Перевод с турецкого языка [О. И. Сенковского], — «Северный архив», 1826, т. 19, № 1—2, стр. 7.

¹⁹ Ахмед Ресми, стр. 110—111.

²⁰ А. С. Тверитинова, Извлечение из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г., — Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, т. II, М., 1969, стр. 300—301.

сочинения, по словам О. Ш. Гёккая, читались как авантюрный роман²¹.

В тех сефаретнаме, которым в большей мере свойственна беллетристичность, на нить документальных записей нанизаны сюжетные эпизоды, приобретающие иногда форму как бы отдельного рассказа или вставной притчи-новеллы. Здесь чувствуется влияние традиции, идущей, видимо, от хроник и «книг путешествий».

Яркие примеры находим у Мехмеда Челеби. Таков динамичный рассказ об охоте в окрестностях Шантильи, в которой он участвовал²². У него же читаем историю покорения Кылыч Али-пашой мальтийской крепости, которую вместе с войсками обороняли христианские монахи²³. Есть в сочинении и легенда о верном страже, привратнике-швейцарце, без особого распоряжения своего начальника не пустившем в охраняемый сад самого короля²⁴; легенды топонимического характера²⁵ и др.

Событие или бытовая сценка могут изображаться «живописно», с использованием реалистических деталей; автор при этом выявляет свое отношение к происходящему. У Мехмеда Челеби то и дело встречаются не без юмора исполненные «жанровые зарисовки». Например, в Бордо он наблюдал, как семьи местной знати приходили в резиденцию посла, чтобы впервые увидеть «живого» турка. Не довольствуясь однократным лицезрением, некоторые посетители сразу же возвращались, иногда наскоро переодев верхнюю одежду, чтобы сделать незаметным свой вторичный приход.

В описаниях деталь приобретает художественное значение. Так, пораженный великолепием интерьера парижской оперы, турецкий посол писал об игре света бесчисленных свечей, отражавшихся в зеркалах, и о том, что в зале женщины утопали в шелках и драгоценностях²⁶. Выразительно передает Мехмед Челеби свои впечатления об искусстве французских мастеров гобеленов. Портреты поражали реалистичностью, лица воспринимались словно живые; ему казалось, вот-вот должны дрогнуть веки, а шелковистые волосы хотелось погладить рукой. Турка удивляло, как тонко передается душевное состояние людей, и он признал, что такое было недоступно прославленным художникам Востока²⁷. Сам автор поэтич-

²¹ Гёккай, стр. 458.

²² Мехмед Челеби, стр. 132—134.

²³ Там же, стр. 11—12.

²⁴ Там же, стр. 61—62.

²⁵ Там же, стр. 146—147.

²⁶ Там же, стр. 84.

²⁷ Там же, стр. 109—110.

но рисует облик юного Людовика XV, с симпатией пишет о его детской непосредственности, доброте и т. д.²⁸

У Ахмеда Ресми тоже встречается психологический портрет конкретного человека — Фридриха II — с его своеобразной манерой поведения, кругом интересов, чертами характера²⁹. Это было новым для турецкой прозы. Характерно, что новшеством отмечена особая часть сефаретнаме — одно из двух «приложений» (зейль)³⁰. Само их присутствие в сочинении есть нарушение канонического правила сефаретнаме: они прерывают хронологическое течение записей, и каждое посвящено отдельной теме.

Итак, приобретением турецкой литературы в сефаретнаме можно считать, в частности, опыт описания «живой конкретности», расширения канонических рамок на пути преодоления самого канона.

Роль диалога, как правило, весьма существенна в рассказе о реальных событиях, в передаче намерений «персонажей» и т. д. (традиция прослеживается и в хрониках). Прямая речь еще не индивидуализирована, это речь автора. Она может нести приметы живой, разговорной манеры, в частности преобладание коротких предложений, частая инверсия, экспрессия, выраженная междометиями.

Сефаретнаме обычно характеризует неоднородный словарный состав его языка. В насыщенную арабо-персидскими заимствованиями авторскую речь входят в том или ином объеме и другие иноязычные слова. Европейских включений тем больше, чем образованнее автор, шире круг его интересов. И в этом отношении вне сравнения оказывается Мехмед Челеби³¹. Привлекают внимание и другие произведения³². Сефаретнаме с их сложной, подчас пестрой лексикой заслуживают специального исследования в плане изучения истории турецкого языка.

Разностильность сефаретнаме определяется взаимодействием в них традиционного этикетного и делового стилей с

²⁸ Там же, стр. 59, 77, 81, 83.

²⁹ Ахмед Ресми, стр. 125—129.

³⁰ Другое «приложение» — монографическое описание Силезии, где приводятся географические, этнографические, экономические сведения.

³¹ Он заимствовал многие термины из административных и военных наименований, из техники, науки, искусства и др., например: *государственный министр, архиепископ, лазарет, опера, церемония*. В некоторых случаях сохраняются приметы оригинальной орфографии, в частности фиксируется конечное «ё тует»: *комплимент, тарган* (судно), *Тулон*. Иногда слова, записанные, видимо, со слуха, содержат ошибки: *Момпелье* вместо *Монпелье*, *Трияном* вместо *Трианона* и т. п.

³² У Ахмеда Ресми, например, области заимствований в основном те же, но объем воспринятого меньший. Это можно сказать и о Шехди Османе.

иными стилевыми выражениями жизненных наблюдений, особенно если они были связаны с западным миром. Определенным жанрам средневековой литературы соответствовал свой стилистический канон, что и отразилось в сефаретнаме — синтетической или мозаичной по своему характеру жанровой форме.

О технических и иных практических вопросах здесь писали деловым языком, служащим целям информативным. «Высокий» стиль проявлял себя в стандартизованных эпитетах и трафаретных формулах восхваления Аллаха, благопожеланий султану и великим мира сего и в ряде приемов «искусственной» прозы. Так, сложную формулу — восхваление турецкого султана использовал Ахмед Дюрри, посланный турками в Иран в 1721 г.³³ Подобную титулатуру при имени Ахмеда III применил в то же время в Париже Мехмед Челеби³⁴. Позднее Ахмед Ресми те же эпитеты присоединил к имени султана Мустафы III³⁵. Интересно, что некоторые «султанскими» эпитетами (*devletlü, saadetlü, haşmetlü, hürmetlü*) по аналогии предвеляются имена европейских монархов³⁶.

Торжественный «высокий» слог, впрочем, не всегда выдерживался до конца даже в официальных реляциях султану, для которых «будничный» слог по всем правилам не годился. Привычное «плетение словес» в этих произведениях прерывалось, например, прямой речью, которая при документально точной передаче чужих слов уже могла разрушить единство стиля. В «гладкопись» также вторгалось выражение эмоций автора (восхищение, удивление и т. п.), часто передаваемых (как у старых хронистов или в народных рассказах) оборотами типа «невозможно объяснить!», «неописуемо!», «невыразимо!» (*kabil-i tabir değil, tabir olunmaz*) и др.³⁷ или «словами не объяснишь!» (*dille anlatılamaz*)³⁸. Такими или более развернутыми оборотами завершаются описания какого-либо поразительного, с точки зрения автора, факта или явления.

Привычно включались в повествовательную или прямую речь пословицы, поговорки и присловья. Так, Шехди Осман подкрепляет свои рассуждения известной пословицей «Хвост искал, да и ушей лишился» (*Çikti kulaktan kuyruk isterken*)³⁹. Мехмед Челеби передал динамику перехода к стремительному

³³ V. M. Koca Türk, *Türk edebiyatı antolojisi*, Ankara, 1961, стр. 259—260.

³⁴ Мехмед Челеби, стр. 58, 66.

³⁵ Ахмед Ресми, стр. 108.

³⁶ Мехмед Челеби, стр. 22, 23, 59.

³⁷ Там же, стр. 3, 8, 12, 74, 86, 90, 111 и др.

³⁸ Шехди Осман, стр. 00.

³⁹ Там же, стр. 156.

действию (погоне за серной на охоте) с помощью поговорки, означающей описательно: «Давай во весь опор!» (Kuskupa kuvvet katçıya bereket) ⁴⁰.

В эти сочинения по традиции средневековой прозы изредка включаются стихотворные строки ⁴¹. Но совершенно новым было цитирование в прозаическом переводе с немецкого стихов прусского короля и образца его же прозы в эпистолярном жанре, как у Ахмеда Ресми ⁴².

Сочинения, о которых здесь чаще всего идет речь, интересны также тем, что в них уже чувствуется авторская индивидуальность. Увлекающийся, эмоциональный, любознательный и по-своему образованный Мехмед Челеби; суховатый, сдержанный и неприязненно относящийся ко всему чужому, «гяурскому» Шехди Осман; наблюдательный, рационалистического склада ума Ахмед Ресми, и здесь обнаруживающий свой сатирический талант, столь блистательно проявившийся в его последнем произведении — памфлете «Сок достопримечательного» («Hulâsa-i itibar») ⁴³. Это разные авторы, и своеобразие их чувствуется в созданных ими произведениях. Все это придает еще большее значение месту сефаретнаме в переходном периоде истории турецкой литературы от средневековья к новому времени.

Сефаретнаме представляется нам интереснейшей жанровой формой, по-видимому так и не выработавшей до конца своего собственного канона, хотя канонизация некоторых черт произошла. Сама же эта форма служит примером ломки средневековой литературной системы и образования отдельных предпосылок новой. В турецкой литературе XVIII в. еще не произошло серьезных эстетических сдвигов, но подготавливались почва и атмосфера для появления «первоэлементов» литературы нового времени. Заметную роль в этом процессе сыграли сефаретнаме.

⁴⁰ Мехмед Челеби, стр. 133.

⁴¹ Там же, стр. 8, 137; Шехди Осман, стр. 156 и др.

⁴² Ахмед Ресми, стр. 128—129.

⁴³ Заглавие даем по известному переводу этого сочинения, опубликованному в Собрании сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса), т. 6, СПб., 1859, стр. 134—343.